

УДК 81-115

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ

© 2009 г.

Д.И. Хизбуллина

Башкирский госуниверситет

della08@mail.ru

Поступила в редакцию 15.04.2009

Рассматриваются проблемы культурологии, семиотики и когнитивной лингвистики в свете теории модели мира и языковой картины мира на примере мифологических культов поклонения воде, камню и дереву на материале английского, башкирского и русского языков.

Ключевые слова: вторичные знаковые системы, метакод, ценность, оценка, символ, универсалии, интерпретация.

Исследование языка сквозь призму мифологического мышления приводит к реконструкции категорий духовной культуры. Интерпретация культурных кодов, начиная с уровня мифологического мировосприятия позволяет осмыслить и представить картину мира, единицы языка духовной культуры, систему ценностей конкретного этноса и этносов.

Лингвистические исследования в данном направлении в рамках семиотики стали активно проводиться в западноевропейском структурализме (К. Леви-Строс, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, У. Эко и др.), московско-тартуской семиотической школой (Вяч. Вс. Иванов, Ф.М. Пятигорский, Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров и др.), школой российской славянской этнолингвистики (Н.И. Толстой, С.М. Толстая и др.).

Какими бы разными ни были определения культуры, в них предполагается, что содержание культуры находит выражение в языке. В широком смысле языком можно назвать не только вербальный язык, но и любую систему знаков, которая используется человеком в информационно-коммуникативных целях. С этой точки зрения культуру тоже можно рассматривать как систему знаков, с помощью которых в обществе сохраняется и накапливается социальная информация.

Естественный язык, вербальные знаковые системы, другие типы знаков (естественные, функциональные, иконические, символические и т.д.) – это базовые, первичные знаковые средства культуры. В разных формах культуры на основе первичных знаковых средств возникают свои собственные языки, которые представляют собой семиотические системы более высокого уровня. Они получили название «вторичные

моделирующие системы», «вторичные знаковые системы», «вторичные языки культуры», «культурные коды». Согласно данному подходу, культура есть свойственная только человеческому обществу «надбиологическая» форма информационного процесса. Информация, выраженная в знаковых системах, не исчезает с уходом добывшего ее индивида. Носителем социальной информации становится не один данный индивид, а общество. Культура – это коллективный интеллект и коллективная память, т.е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи сообщений (текстов) и выработки новых (Ю.М. Лотман) [1; 111]. Вторичные моделирующие системы – это языки мифологии и религии, философии и науки, искусства и литературы, права и политики, спорта, рекламы, телевидения, Интернета и т.д. С их помощью окружающий мир моделируется и оценивается, строятся модели его отдельных фрагментов.

Естественный язык, образуя семиотический базис культуры в отношении других культурных семиотик и систем коммуникации – это орудие, модель и метаязык (Р.О. Якобсон). Язык оказывается универсальным орудием описания, классификационной сеткой и семантической основой картины мира. В проекции на модель мира язык выступает как метакод модели мира, как посредник для всех прочих кодов модели мира и как самостоятельный символический код, которым может быть записана вся модель мира (Т.В. Цивьян). Как модель мира формирует язык, так и язык формирует модель мира (Вяч. Вс. Иванов). В терминологии К. Леви-Стросса, модель мира структурирует язык, а язык – модель мира, и то, и другое без прямолинейности и не слишком явно. Во главу угла поставлен менталитет, классифицирующий и

мир, и язык по единым правилам (Л. Витгенштейн). Это возвращает нас к гумбольдтовскому «в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [2; 33]. Границы между языком и культурой становятся условными, поскольку язык моделирует мир не только через сложение своих элементов в текст, но и через свою парадигму (В.Н. Топоров). Тем самым постулируется понятие языка-текста.

Трансцендентальная философия в современном понимании стремится выявить единство в многообразии культур и культурного творчества. Исходным пунктом неокантианской философии культуры является допущение некоего универсального сознания. Там, где речь идет об истинных культурных ценностях, мы никогда не действуем как индивиды или даже как представители нашего рода, но как хранители и носители сверхэмпирических функций разума (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Человек, становясь творцом произведений культуры, выступает выразителем универсального разума, единого по своей структуре. Культура может интерпретироваться как совокупность общезначимых ценностей и норм, которые служат обоснованием единства многообразных форм культурного творчества и выявляют единые механизмы творческого синтеза в различных сферах культуры [3; 136]. Ценностью фактически является увиденная человеком в объекте способность удовлетворять его потребности и быть источником его положительных эмоций. Хотя нередко и говорят о материальных и духовных ценностях, но имеют в виду не сами ценности, а объекты, которые служат их носителями. Совокупность общезначимых ценностей и абсолютных оценок составляет нормативное сознание.

Культура – это особого рода реальность, которая, прежде всего, творится деятельностью людей (Э. Кассирер). Человек как *animal symbolicum* создает мир культуры. Вся предметная действительность, существующая для нас в форме мифа, религии, искусства или науки, есть символически сформированная нами действительность [3; 293].

Символ не только универсален, но и изменчив. Предметы обозначаются разными словами, на разных языках. Значения имеют отношение к словам, но не к вещам, что и придает словам характер символических образований. Через символы можно постичь то, что хочет сказать человек, но не сущность того, о чем он говорит. Это различие позволяет понять, как устроена человеческая культура. В трактовке О. Шпенглера, «каждая культура находится в глубоко

символической связи с материей и пространством, в котором и через которое она стремится реализоваться» [4; 13]. В символическом мире человек получает возможность выходить за пределы чувственного опыта, ограниченного физически конечными пространственными и временными рамками. Культура интерпретируется как исторически передаваемая система значений, воплощенная в символах, как система унаследованных представлений, выраженных в символической форме, посредством которых люди передают, сохраняют и развивают свое знание о жизни и отношение к ней.

Основной характеристикой современной эпохи является противостояние двух тенденций – универсалистской и партикуляристской. Тенденция культурной универсализации направлена на формирование культурного универсума или общечеловеческой культуры. Культурный универсум – некая культурная целостность, состоящая из множества культурных миров. Основой партикуляризма является представление о независимом, обособленном развитии культур, делается акцент на превалировании характерных черт, обеспечивающих сохранение культур и их идентичность. Существование всеобщих черт культуры одни исследователи объясняют основными стимулами, определяющими человеческую деятельность, – самосохранение, репрезентация себя, самоудовлетворение и т.д. Другие дополняют наличие внешних факторов, определяющих человеческие реакции на биологические ритмы в природе, на животных, растения и другое внешнее окружение, наличие фактора научения и воспитания, формирование базовой культурной привычки – навыка воспроизведения тех или иных реакций при одинаковых условиях. Биологические, психологические и социально-культурные универсалии дают возможность сравнивать культуры в терминах, которые не являются этноцентричными. Они позволяют фиксировать то общее, что есть в основе многообразного человеческого сообщества. Различия между культурами проявляются в способах удовлетворения потребностей и в характере передаваемых от поколения к поколению вторичных потребностей, порождаемых самой культурой.

Мир культурных конвенций лишь опосредованно связан с физической реальностью. Интерпретации бытия ограничены, так как определены языком. Э. Кант полагал, что поскольку вещь-в-себе (бытие как референт языка) непостижима, постольку язык предлагает не понятия в строгом смысле, а метафоры вещи-в-себе. Люди говорят на языке, неосознанно подчиня-

ясь некоторой системе правил, которая будет присутствовать всегда. Существуют поверхностные структуры – семиотические коды, понятия в сосюрловском ключе, которые приводят к открытию Кода Кодов, Пра-кода, элементарной структуры, управляющей поведением. Универсум человеческой культуры понимается как структурированный согласно сети интерпретант; фактически бесконечный, ибо допускает множественные интерпретации, реализуемые различными культурами; и не завершённый, существующий как регулятивная идея семиотической энциклопедии (У. Эко) [5; 60]. Наиболее экономичное решение заключается в том, что текст имеет буквальное значение. В теоретическом плане трудно представить некий набор формальных критериев для выбора правильных интерпретаций. Некоторые интерпретации оказываются более устойчивыми и значимыми для сообщества, а другие забываются.

Таким образом, текст и язык культуры – это открытый универсум, в котором интерпретатор может раскрыть бесконечные взаимосвязи. Культура может быть описана объективно. Но объективность всегда ограничена целым рядом факторов. Критерии вынесения оценки зависят от собственных корней исследователя, его предпочтений, привычек, чувств, системы оценок. Недостаточно просто описать культуру, разумнее обратиться за помощью к некоторой системе ценностей, отбросить которую невозможно. Проблема параметров формируется в наши дни, а не в истории. Анализ и критика собственных представлений ведет к лучшему пониманию других народов и, наоборот, изучение других народов ведет к лучшему пониманию своей культуры.

Человек воспринимал и воспринимает весь окружающий мир не в буквальном, а, выражаясь в категориях гегелевской диалектики, в «снятом» виде – в виде архетипических образов, которые заключают в себе универсальные смыслы. Архетипы – структурные элементы так называемого коллективного бессознательного (К.Г. Юнг), порождая эти универсальные смыслы, образуют смыслообразы или символы. История философии определяет мышление древнего человека как мифологическое, которое моделировало мир по образу и подобию человека. Мифический символ есть символ в меру того, что он есть история, так как мы имеем дело с эмпирическим становлением человека (А.Ф. Лосев) [6; 42]. В мифологических традициях многих народов к глубокой древности восходит поклонение воде, камням и деревьям. В самых древних из известных святилищ они

обязательно присутствовали. В глазах первобытного человека такой сакральный пейзаж был моделью всего мира. Согласно кельтской мифологии, чудесные свойства священных источников и растений усиливались, если они взаимодействовали друг с другом [7; 114–119]. В древних мифологиях образ Мирового Древа связан с мотивом священного источника. В традициях античной натурфилософии основные структурообразующие элементы мироздания, четыре первоэлемента – вода, земля, воздух, огонь. Китайской традиции известно пять первопринципов – вода, земля, дерево, огонь и металл.

Вода – основа всего сущего, первоначальный хаос, из которого была поднята земля. Карл Юнг толковал воду как символ коллективного бессознательного («под ее поверхностью скрыты бездонные пучины») и как символ жизненной силы души [8; 68]. С водой связано сотворение, перерождение, обновление макрокосма и микрокосма. С водой же связана гибель мира (ср. мифы о Всемирном потопе).

В башкирской мифологии вода – источник жизни, она оживляет умерших и дает жизнь вновь рожденным. В диалектах башкирского языка сохранился термин для обозначения повитухи – *һыу инәһе* ‘мать воды’, указывающий на связь воды с рождением человека. Своеобразное воплощение культ воды нашел в свадебном обряде башкир – *һыуға баһлау* (букв. вода + начинать) – показ невесте источника воды в ауле жениха для получения благосклонности духа воды. Перед тем, как набрать воду, невеста бросала в воду серебряную монету [9; 210].

В английской языковой картине мира попасть в воду означает попасть в тяжелое, затруднительное, опасное положение – *to get into deep waters*, или попасть в беду – *to get into hot water*, даже если воды немного – *in low water* ‘быть на грани разорения’. Тихая, спокойная вода также вызывает опасение – *still waters have deep bottoms*, ср. **русск.** *в тихом омуте черти водятся*, хотя уже и не такое сильное – *to get to smooth water* ‘выбраться из затруднительного положения’. С водой сравнивается человек непостоянный – *unstable as water*, слабохарактерный, малодушный – *weak as water*. Слишком много воды приносит несчастье – *too much water drowned the miller* ‘хорошенького понемножку’ (букв. слишком много воды утопило мельника), что-то неизвестное, непонятное – *much water runs by the mill that the miller knows not of* ‘вокруг нас происходит много такого, о чем нам и невдомек’, горе – *after rain comes fair weather* ‘после ненастья – солнышко, после горя – радость’; забвение или смерть – *waters of forget-*

fulness (этим. миф.) ‘Лёта, забвение, смерть’ (Лёта – греческая богиня забвения, по ее имени названа река в царстве мертвых, глоток воды из которой заставляет души умерших забыть земную жизнь). С водой ассоциируется что-то очень быстро проходящее, мимолетное – *written in water*; нереальное, невыполнимое – *when the sea gives up its dead* ‘когда море вернет всех погибших в нем’ (этим. библ.).

В башкирской языковой картине мира у воды есть дно – *һыу төбөнә һалыу* ‘пускать на ветер’ (букв. класть на дно воды), но нет конца – *һыу буйы* ‘очень длинный’ (букв. вдоль воды), и ее необходимо знать хорошо – *һыу кеүек белеу* ‘знать назубок, очень хорошо’ (букв. знать так, как знаешь воду).

В русской языковой картине мира вода должна быть чистой – *вывести на чистую воду кого-н.* (раскрыть чьи-то темные дела), *чистой воды* (самый настоящий), очень плохо, если вода грязная – *желтая вода* (глазная болезнь), *темная вода* (слепота вследствие болезни глазного нерва). По воде можно узнать будущее – *как в воду глядел* (как будто заранее знал).

Древо Мировое – еще одна модель мироздания, его вертикальная проекция. Мировая ось, центр и опора мира. Крона мирового дерева достигает небес, корни уходят в преисподнюю, ствол соответствует миру людей [8; 148]. Для человека архаических культур дерево воспроизводило Космос в целом, становилось образом Вселенной, символическим представлением человека – по внешнему подобию и по сходству жизненных циклов: прорастает из семени, взрослеет, обретает зрелость, увядает и умирает. В древних мифологиях дерево превращалось в находящееся в Центре Мира Космическое дерево, Мировое Древо, Древо Жизни и Бессмертия.

Классическим образцом Мирового Древа может служить ясень Иггдрасиль из скандинавской мифологии. Этот гигантский ясень является опорой девяти миров. Три корня Иггдрасиля простираются в царство мертвых, к великанам и к людям. Под корнями расположены три источника. У одного из них живут норны – женские божества, определяющие судьбы людей после рождения. Второй источник – медвяный источник Мимира, источник мудрости. Третий – кипящий котел [10; 125].

В кельтских мифах космических деревьев было столько же, сколько провинций в Ирландии. Священными деревьями в ирландских сагах были дуб – дитя райского дерева; тис – дитя Марии, господин ума и т.п.; три ясени – вопло-

щения Древа Жизни, Древа Познания и Мирового Древа.

Каждое башкирское племя имело свое священное дерево. Среди них *миләш* ‘рябина’, *кайын* ‘береза’, *имән* ‘дуб’ и др. По мнению некоторых исследователей, Мировое Древо башкордов – это дуб, Имән [11; 42].

С Древом Жизни связаны мифы о сотворении первых людей из дерева. Ср. скандинавский миф о первых людях Аске и Эмбле: «ясень» и «ива», мужчина и женщина, которые были созданы богами из деревьев.

Эти мифологические представления прекрасно сохранились в метафорических образах многочисленных фразеологизмов в современных языках.

Распространенное сравнение – плоды дерева и дела человека. Ср. **англ.** *The tree is known by its fruit* – **франц.** *On connaît l'arbre à ses fruits* – **башк.** *Ағас емеше менән матур* – **русск.** *Дерево познается по плоду* [этим. библ.] и др. В башкирском языке плоды дерева сравниваются с умом и знаниями – *Емешле ағас зур булмай* (Плодоносящее дерево высоким не бывает), *Емешле ағастың башы түбән* (У плодоносящего дерева макушка низко клонится), с судьбой человека – *Тал-тирәктә алма беимәй* (На тополе яблоки не зреют).

Семантический переход в башкирском языке *баи* ‘голова’ – ‘макушка дерева’ – ‘ум, знания, рассудок’ сочетается с противоположным значением в сравнениях со словом *ботак* ‘ветвь, ветка, сук, сучок’ – *Алама ағас ботакка үсер* (Плохое дерево сучковато), *ен ботагы* ‘проказник’ (букв. бес, черт + ветка). Метафора из евангельского текста перешла в народное творчество – «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? ... Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Мф. 7:5; Лк. 6:41) – *В чужом глазу сучок видим, а в своем и бревно не замечаем.*

Слово *ветвь, ветка* английском языке в контексте нашего исследования имеет положительную коннотацию – *He that loves the tree, loves the branch* (букв. любишь дерево, люби и ветку). Сюда же можно отнести *family tree* ‘родословное дерево (дерево)’, *the olive branch* (обыкн. рl шутил.) ‘дети’ [этим. библ.].

В башкирском языке слово *ағас* ‘дерево’ сохранило свое историческое значение ‘условный знак рода’, а в народном творчестве – в красивых по поэтичности и мудрых по содержанию пословицах и поговорках – имеет значение ‘родственники, родичи, родня’ – *Ер ағасһыз булмаҫ, әзәм нағасһыз булмаҫ* (Земля без дерева не быва-

ет, человек без родичей не будет), *Агас агаска таяна, эзам эзамга таяна* (Дерево опирается на дерево, человек на человека). Одинокое дерево символизирует одиночество – *Яңғыз кайын дауылдан курқыр, яңғыз кеше халыктан курқыр* (Одинокая береза бури боится, одинокий человек – людей), *Яңғыз тирәк өй булмаҫ, яңғыз егет бей булмаҫ* (Одинокий тополь домом не будет, одинокий человек бием не станет). Семья настолько же неделимое целое как дерево с его корой – ср. **англ.** *come between the bark and the tree* ‘вмешиваться в чужие (семейные) дела’.

По сходству жизненных циклов дерево символически представляет периоды роста, взросления, трудоспособности, старения человека. Ср. **англ.** *Every oak has been an acorn* (Каждый дуб был когда-то желудем); *Great oaks from little acorns grow* (Большое вырастает из малого); **франц.** *L'arbre se redresse, quand il est jeune* (Молодое дерево нелегко сломить); **башк.** *Агас сыбык сакта бөгәлә* (Дерево гнется, будучи прутиком), *Короган агастан алма кәтмә* (От высохшей яблони яблок не жди), *Емешле агаска балта сапмайзар* (В плодоносящее дерево топор не вонзай), *Балтага имән да башын эйгән* (Топору и дуб кланяется).

Дерево засохшее и кривое, прутья и палки приобретают отрицательную коннотацию. Ср. **англ.** *dead wood* ‘балласт, что-л. негодное, бесполезное’ (букв. сухостойное дерево), **башк.** *Кәкере агаска кар йокмаҫ, бурга мал йокмаҫ* (К кривому дереву снег не пристанет, к вору – богатство), *кәкере кайынга терәтеу* ‘водить за нос, обвести вокруг пальца’ (букв. кривая береза + подпирать). В языковой картине мира ‘палка, прут’ (т.е. то, что отделили от дерева) в английском языке ассоциируется с такими сравнениями как ‘вялый или туповатый человек, недалекий или косный человек’, *the sticks* ‘захолустье’, *a dry stick* ‘бессердечный человек’, *a poor stick* ‘ничтожный человек’, *a stick and a stone* ‘бесчувственный человек’ и др.; в башкирском языке *сыбык осо* ‘дальний родственник’ (букв. прут + край), *бер сыбыктан кыуылган* ‘одним миром мазаны’, *таякка атландырыу* ‘оставить с носом’ (букв. на палку + усадить) и др. Интересно, что **башк.** *таяк* ‘палка’ имеет значение старинной меры длины, равной 2,134 метра – *ун таяк ер* ‘десять саженой земли’.

Можно привести примеры с одинаковым образом сравнения, но совершенно противоположными значениями. Ср. **англ.** *wooden spoon* (букв. деревянная ложка) – разг. занявший последнее место на экзамене по математике в Кембриджском университете [раньше там был обычай дарить деревянную ложку студенту,

получившему самую низкую оценку на экзамене по математике]; (спорт. разг.) ‘последнее место в состязании’; **башк.** *һәр агастан калак булмаҫ* (Из любого дерева ложку не сделаешь). В данном случае необходимо учитывать время появления этих сравнений. В первом примере из английского языка это, по-видимому, время промышленной революции, когда деревянная ложка стала считаться не только пережитком прошлой, не прогрессивной в техническом отношении жизни, но и своего рода недостатком, изъяном, в данном сравнении, в умственных и физических способностях человека. Сравнение из башкирского языка могло появиться во времена ремесленников, мастеров ручного труда, когда человек больше зависел от природы, и народная мудрость подметила, что люди отличаются не только внешне, но и внутренне. В.И. Даль приводит сходную по смыслу и образу пословицу: *В лесу лес не ровен, в миру – люди*.

Метафора – плоды дерева и дети – так же повсеместно встречается и употребляется в различных ситуациях. Ср. **англ.** *As the tree, so the fruit* – **франц.** *Le fruit ne tombe jamais loin de l'arbre* – **башк.** *Агасына күрә алмаһы* – **русск.** *Яблоко от яблони недалеко падает*.

Внешность человека сравнивается с наружным обликом дерева: **англ.** *You cannot judge of a tree by its bark* (Наружность обманчива); **башк.** *Агас япрагы менән матур* (Краса дерева в листве). Нельзя не отметить, что образ дерева, особенно красивого, цветущего, олицетворяется с такой же цветущей, а значит, счастливой порой для человека. Ср. **англ.** *to flourish like a green bay tree* (книжн.) ‘процветать, успешно развиваться’ [этим. библ]; *to shake the pagoda-tree* (уст.) ‘быстро разбогатеть, нажиться’, *at the top of the tree* ‘быть в первых рядах, во главе’, *pull up trees* ‘многого добиться, быть на многое способным’.

Лес, чаща символизируют хаос и противопоставляются культурным деревьям, садам как воплощению порядка или космоса. Ср. **англ.** *to get (to be) out of the wood* ‘выпутаться из затруднения, быть вне опасности’, *to go to the woods* ‘быть изгнанным из общества’, *to take to the woods* (амер. разг.) ‘удрать’, ‘спрятаться в кусты’, **башк.** *кара урман* ‘дремучий лес’ (букв. черный лес), *Агасһыз урман юк, нужаһыз донья юк* (Без дерева нет леса, без хлопот нет жития).

Черты характера человека, как положительные, так и отрицательные, тоже нашли свое олицетворение в образе дерева. Ср. **англ.** *a heart of oak* ‘храбрый, мужественный, отважный человек’, *a man with the bark on* (амер.) ‘неотесанный человек’, *to take the bark off* ‘обесценивать что-л., лишать что-л. привлекательности’, **башк.** *агас*

ауыз ‘косноязычный’ (букв. дерево + рот), *утын агасы* ‘увалень’ (букв. полено), *агас тел* ‘невежливый’ (букв. дерево + язык), *йүкә сөй* ‘лесть, похвальные, лестные слова’ (букв. липа + клин), *йүкә сөй кагыу* ‘лестить, умастить кого-л.’ (букв. вбивать лыковый клин) и др.

Культ камней – один из самых древних видов человеческого поклонения природе. В величии камня, в его твердости, форме, цвете первобытному человеку виделся какой-то иной мир, средоточие сверхъестественной силы и энергии, которая может помочь и защитить. Для древнего человека камень был первым орудием охоты, первым источником получения огня, каменные пещеры служили убежищем. Человек разумный и уже верующий в сверхъестественные силы научился рисовать и оставил на стенах пещер культовые рисунки, очевидно, уже осознавая, что они сохранятся и поэтому будут иметь священное предназначение. Люди поклонялись камням, одухотворяли их, молились у скал, на камнях, на вершинах гор. Там же проводились большие праздники, совершались жертвоприношения. И сейчас можно встретить «святые камни», «святые горы», где, по поверьям, или живут души святых, или похоронены святые. Камням приписывают сверхъестественные свойства. К примеру, на территории Республики Башкортостан до сих пор почитается каменное изваяние *йэй ташы* ‘летний камень’ или *таш колон* ‘каменный жеребенок’, которое, по поверью, помогает вызвать или остановить дождь.

Камнем стали пользоваться как алтарем (домом Бога) на Древнем Востоке, иудеи, римляне (священный камень Юпитера), ирландцы (Камень Лиа Фаль) [8; 265]. В Библии камень – символ бытия, природный алтарь, оружие (Давид побивает Голиафа камнем), эмблема Христа (*the Rock of Ages* ‘твердыня вечная’).

Древние священные камни наделялись более сложной символикой и обозначали центр мира. Самым примечательным из этих символов является Омфал (от *омфалос* ‘пуп, пуп земли’), который в широком смысле обозначал любую центральную точку. Главная мусульманская святыня – камень Аль-хаджар аль-асвад находится в храме Кааба. В Греции известен Омфал, находящийся в Дельфийском храме Аполлона. Ирландский камень Лиа Фаль (Лиа Файл) являлся Омфалом – камнем, к которому сходились все дороги Ирландии.

Почитание камней дожило до наших дней. Это символ основательности, надежности, устойчивости. Многие драгоценные и полудрагоценные камни служат амулетами. Запечатлеть в

камне – по-прежнему значит сохранить надолго. Следы этого древнего культа наблюдаются и в языковых картинах мира.

В английской языковой картине мира построить на камне значит заложить прочный фундамент – *build on a rock* ‘прочный, устойчивый’ (этим. библ.), положить первый камень значит заложить основу чего-либо, приступить к чему-либо – *lay the corner stone*. Камень, скала может представлять опасность – *see rocks ahead* ‘видеть опасность’, *on the rocks* ‘в тяжелом положении, в стесненных обстоятельствах’, *go on the rocks* ‘наткнуться на непреодолимое препятствие, разориться’. Разбить камень очень тяжело – *break stones* ‘выполнять тяжелую работу, зарабатывать на жизнь тяжелым трудом’, чтобы чего-то добиться, нужно перевернуть немало камней – *leave no stone unturned* ‘сделать все возможное, испробовать все средства, приложить все старания’. Камень можно использовать как оружие – *cast / throw a stone / stones at smb, cast the first stone at smb* ‘порочить, обвинять, осуждать кого-либо’ (этим. библ., в древней Иудее существовала казнь – побивание камнями). Камни обладают сверхъестественными свойствами – *have kissed the Blarney Stone* ‘быть льстецом’ (по преданиям, тот, кто поцелует камень в ирландском замке Бларни, обретет способность лгать), в камень можно превратиться – *stand as if turned to stone* ‘словно окаменеть, замереть, застыть’. Камни использовались как мера веса – *stone = 14 pounds = 6,34 kg*, в качестве меры длины – *within a stone’s throw from* ‘поблизости, рукой подать’, *stone-cast / stone’s cast* ‘небольшое расстояние’.

В картине мира пратюркского этноса камень рассматривался как символ мудрости, и само слово ‘камень’ могло служить именем-оберегом [12; 690]. В башкирской языковой картине мира умеющий работать с камнем считается большим мастером – таштан йүкә һуйыу ‘быть очень находчивым, умелым’ (букв. с камня лыко драть), камни могут служить оберегами – ташка үлсәем ‘употребляется, когда не хотят, чтобы болезнь перешла на собственное тело’. Драгоценные камни вдохновляют на создание поэтических образов, пословиц и поговорок. Например, бирюза – камень счастья. Восточные поговорки гласят: Не обеднеет никогда та рука, на которой находится перстень с бирюзой, Как солнце совершает свой быстрый бег по небесному своду, так стремителен бег лошади по земле, если ее уздечка украшена бирюзой.

Таким образом, мифосемиотическая модель мира и языковая картина мира тесно взаимосвя-

заны. Вместе они представляют не только мировосприятие и мировоззрение этноса, но и его историю, этапы культурного развития, практическую философию. Мы пришли к выводу, что любое семантическое представление имеет очень глубокие корни, истоки и источники необходимо исследовать с глубокой древности, с самого зарождения человеческого мышления. Как показывает исследование, архетипическое мышление древнего человека было почти универсальным и отличалось только в зависимости от внешней среды – от климата, ландшафта, географического положения той местности, где проживает этнос. Подобные исследования особенно интересны, поскольку объяснение причин возникновения того или иного представления, проведение параллелей и аналогий с прошлым, нахождение источника позволяют по-другому взглянуть на простые и сложные, привычные, обычные, на первый взгляд, понятия и явления в окружающем нас мире.

Список литературы

1. Культурология / Ю.Н.Солонин, М.С.Каган. М.: Высшее образование, 2007. 566 с.
2. Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн. М.: Наука, 2008. Кн. 1. Балканистика. 314 с.
3. История культурологии / А.П. Огурцов. М.: Гардарики, 2006. 383 с.
4. Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта: Наука, 2008. 224 с.
5. Скрипник К.Д., Штомпель Л.А. и др. Умберто Эко. М.: ИКЦ «МарТ», 2006. 112 с.
6. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2008. 176 с.
7. Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М.: Астрель, 2005. 431 с.
8. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгарт, 2005. 608 с.
9. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н. и др. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: «Башкирская энциклопедия», 2002. 248 с.
10. Щеглов Г.В. Мифологический словарь: около 1 800 статей. М.: АСТ, 2006. 365 с.
11. Галлямов С.А. Великий Хау Бен. Исторические корни башкордско-английского языка и мифологии. Уфа, 1997. 319 с.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.

UNIVERSAL VALUES OF CULTURE AND MYTHOLOGICAL CULTS

D.I. Khizbullina

The problems of culture theory, semiotics and cognitive linguistics are considered in the aspect of the world model and linguistic world picture theory using the material of the mythological cults of water, stone and tree in the English, Bashkir and Russian languages.

Keywords: secondary sign systems, meta-code, value, estimation, symbol, universals, interpretation.